

ПИТЕР ПОКЕТ
СТИХИ

ОЛЬГА
СТАРУШКО

---

*Прими как есть, без золота и платья.
Как жаль, что лишь
теперь могу сказать я,
что я с тобой и я тебя люблю.*

**РОДИТЕЛЬСКАЯ
ТЕТРАДЬ**

Ольга Старушко
Родительская тетрадь
Серия «ПИТЕР ПОКЕТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63697676

Родительская тетрадь:

ISBN 978-5-00116-878-2

Аннотация

Воспоминания близких и родных, детали биографии, исторический фон и события, которые становились историей уже на нашей памяти, исповедальная лирика: в книгу вошли стихотворения, написанные в 2015—2020 годах.

Содержание

Глава 1	6
Прошу	6
«Яблочко» с выходом	7
Долг	9
Мрамор	10
Медь	12
Слабо	15
Млечно	16
Гроза	18
Царапины	19
Держи	20
Жажда	21
Касание	22
Смакуя	23
Бархатный сезон	24
Накоротке	26
Бухта символов	27
Предчувствие	29
По старому стилю	30
Мальчик и его собаки	31
Слезка	33
По живому	35
Блик	37

Шторм	38
На звук	39
Тоннели	41
Южак	43
Мой свет	45
Зоря	46
Глава 2	47
Исход	47
Взгляд	49
Прочь	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ольга Старушко

Родительская тетрадь

© ООО Издательство «Питер», 2022

© Серия «ПИТЕР ПОКЕТ», 2022

© Ольга Старушко, 2022

Глава 1

Дом

Прошу

Мне бы хватило малости,
сколько ни протяну:
дай ещё миг, пожалуйста —
соли морской вдохнуть.

Прежде чем успокоиться,
час до рассвета дай,
чтоб на каштане горлица
в горле катала май.

Пухом ли в землю, в урну ли —
дай мне хотя бы день
дома.
Волну лазурную
с чаечкой набекрень.

«Яблочко» с выходом

Сколько лет бы с детства ни минуло,
а душе в разлуке не зачерстветь.
Прогуляйся стеночкой Минною
в одиночестве.

Ветер с моря, камень горячий бел,
съеден и туманом, и бурями.
Слива-дичка зреет. Иди себе,
знай, покуривай.

Тюлькин флот на привязи мается.
Цепи якорные заржавлены.
Мачты держатся всеми пальцами
за державное.

Жить и жить бы здесь с мамой, с папою,
а не так – от случая к случаю...
Ежевикой сердце царапает
боль колючая.

Воробьи на стеблях цикория
машут крыльями – ой, щекотно им.
Да у тебя самой вся история
перелётная.

Ты гуляй, покудова алы́й шар
в тучи за маяк не закатится.
Посиди на камне – да жаль, шершав,
мнётся плати́це.

Долг

Послушай, тебе говорили
взахлёб и почти не дыша
про мачты, ревущие крылья
и тонущий солнечный шар,
про вытертые башмаками
ступени, что к пирсу ведут,
про то, что разобран на камень
твой Лазаревский акведук,
про то, как внезапно и резко
хватает жара за плечо,
про стайку девчонок соседских,
что лазают за алычой,
про чаек, гогочущих с крыши,
про то, как чернеют, тихи,
от павших шелковиц и вишен
отбитых дворов языки,
про то, что затягивать раны
и память узлами нельзя?
А я говорить не устану:
ведь кто-то же должен сказать.

Мрамор

Каким же ветром мраморного льва
внезапно занесло к аэропорту?
Лаская гриву, шелестит трава.
Он дремлет, положив на лапы морду,
и мрамор шёлков, сумраком ночным
укрыт от слишком пристального взора.
Лев нежится. Мы с ним вдвоём молчим,
ловя под лавровишной слабый шорох,
с каким небесный круг в созвездье Льва
приходит, звякнув дверью потаённой.
И волосы мои поцеловав,
застынет воздух.
Пояс Ориона
застёгнут на три дырочки.
Луна,
рождённая вот-вот, перед рассветом
свой парус тонкий выгнула, полна
невидимого солнечного ветра.
При лунном свете мрамор как живой:
не тень скользит —
то лев чуть слышно дышит,
касаясь августейшей головой
пуסקай не лавров, ладно – лавровишен.
Прими свой Крым и вечным, и живым,
открыв его небесные ворота,

когда тебя таврические львы
встречать выходят чуть не в зал прилёта.

Медь

За «Рио-Ритой» в парк Победы
июльским вечером приеду.
Ах, трубачи, поддайте меди,
а я отсыплю серебро.
Кружатся под софорой пчёлы
под выкрики трубы весёлой,
и крутобокая валторна
отставит в сторону бедро.

Дыши,
«Рио-Рита»,
котомка травами набита,
под шляпой-соломкой
почти не видно седины.
...Помнишь май у театра
и те весенние объятья?
Кто только с фронта, кто от парты
встречались в шесть
после войны.

Расселены полуподвалы.
Из общежитий, коммуналок
она лилась ещё, звучала,
но разъезжались кто куда.
Мелькали и терялись лица

друзей, и веера альбиции,
что летом розовым пушится,
смахнули прежние года.

Гори,
«Рио-Рита»,
у мамы платье в розах сшито,
и галстук в полоску
на фотоснимке у отца.
Королёк над лавандой,
балкон, увитый виноградом,
и комендантские наряды,
и ламца-дрица-и-цаца.

На танцплощадках-сковородках,
куда сбегали одногодки
в клешах и юбочках коротких —
и были ночи коротки —
забыта, смолкла «Рио-Рита»,
иными песнями забита.
И новые возили ритмы
из дальних рейсов моряки.

В толпе курортной и случайной
я поймана твоим звучаньем.
В футляре мелочь забренчала,
а в знойном мареве плывёт
на расстоянии ладони
весь из винтажных кинохроник

сверкающий легкомоторный
и прямокрылый самолёт.

О, этот флёр воспоминаний...

Софора мусорит цветами,
и барабанщик барабанит,
и трубачей картава медь.

И голоса жужжат, как пчёлы,
что собирают мёд софоры.

И перехватывает горло.

И слов не помню, жаль.

Не спеть.

Слабо

Слова на ветер? Ковыля
седой загривок. Степь пожухшая.
Родная скудная земля,
ты говори, а я послушаю.
Твой ветер скажет мне о том,
что голос – выдох, вдох – молчание,
так помолчи! – но сам потом
взовьётся, снова отвечая мне,
что после скоротечных гроз
отцу на даче что-то личное,
напившись, благодарный дрозд
поёт над грядами клубничными.
Пусть голос слаб, пусть выдох – блажь.
Тяну как есть, и делать нечего.
Цепляй слова, мой карандаш —
и хоть цикадой, хоть кузнечиком...

Млечно

На город туман опустился впотьмах.
Туман молоком заливает дома,
и каплями жёлтого масла
уже растворяются в нём фонари
да теплится пара окон изнутри:
погасли... и это погасло...

И где тут вперёд и куда тут назад?
И папе бы время опрыскивать сад,
да только беда – нездоров он.
Пахнуло весной из февральских окон,
и поит миндальным своим молоком
голодную землю корова,

и влажно дыханье её у щеки,
глочет дорогу и съела шаги:
вот чайка заплакала где-то,
а где она, чайка – поди отыщи,
и сливочной пеной цветы алычи
стекают на кончики веток.

Широкие лапы до самой земли
у кедров атласских, намокнув, легли
и головы свесились набок.
А чайка всё плачет и плачет вдали.

Хлебни этот белый и стылый налив:
он горек, и солон, и сладок.

На город, который с рожденья знаком,
который и любит, и нянчит тайком —
уж больно характер суровый —
украдкой глаза осушая платком,
смотри: ты впитала его с молоком
телком от туманной коровы.

И якорь рога выставляет вперёд,
и месяц по небу триерой плывёт
над млечным сиянием бухты,
в тумане курантов звенит бубенец,
дышать тяжело, а когда наконец
заплачешь — и легче как будто.

Гроза

Раздумывает – сохнуть ли? – трава,
пока ещё не колются колосья,
и мнётся мак, и шёлков, и кровав,
то выгибаясь, то кидаясь оземь.
Медовый дрок, пуховый тамариск
пронзительней в лучах на фоне тучи.
С изнанки тополиный замшевый лист,
и у платанов кроны ветер пучит.
Сгустилось время поздних майских гроз.
И так они желанны, эти грозы,
пока сочится смолкой абрикос
и бронзов жук во рту у чайной розы.
От молнии, шарахнувшейся вниз,
гремуча смесь пыльцы, озона, пыли.
Вскипел асфальт от пузырей и брызг,
и в ужасе кричат автомобили.
И треск, и трепет. Ливень наконец
припал к земле – и жадную целует.
Так долго шёл к тебе, и вот он здесь.
Он ломится вовсю, напропалую,
раздвинув лозы, стебли и листья —
не груб, но так настойчив, так поспешен,
так полон жизни, что от полноты
полопается шкурка у черешен.

Царапины

На пустыре вольготно ежевике:
дожди прошли, она и зацвела.
И на цветах дрожат в горячем блике
двух бабочек сложенные крыла.

Задень её – и не избегнешь плена,
и каплю крови вытрешь рукавом:
она когтит плечо или колено
любым назад отогнутым шипом.

И кобальтовый шершень пулей дикой,
и медленного золота пчела,
и бабочки кружат над ежевикой,
не в силах оторваться от тепла.

Её крючки – на листьях по изнанке.
Её железо зреет в лепестках.
Ты не завидуй бабочке-белянке:
ей мёд, а у тебя шипы в руках.

Как ни уйдёшь – со стоном или криком,
земельным комом, прахом и золой —
а поутру очнёшься ежевикой,
и бабочкой, и бликом, и пчелой.

Держи

Держи траву в степи сухой, как порох,
держи над садом персиковый дух
и синих пиний шум, среди которых,
набрав шалфея с розмарином ворох,
я к морю на закате добреду.

Держи, волна, неси меня в объятьях
навстречу солнцу, жгучему углю.
Прими как есть, без золота и платья.
Как жаль, что лишь теперь могу сказать я,
что я с тобой и я тебя люблю.

Держи меня, как малых держат дома,
как помогает якорь кораблю.
Пусть рыжая бесстыжая текома
протянет губы трубочкой в истоме,
чтобы отдать заветное шмелю.

Жажда

Сними три шкуры здесь
и семь потов пролей,
а всё равно не сделаешься ближе
своей слоистой и просоленной земле,
которую прибой с шипеньем лижет.
Пилить цикадам – не перепилить:
тут запах загустел, и вязнут звуки
в траве пластом и в глинистой пыли,
а ветер туго пеленает руки.
Сорока зноем наполняет клюв
и тащит, приоткрыв его, вприскочку.
Кефалям чайка гаркает: ловлю! —
выхватывая их поодиночке.
Ты низкой ласточкой
с попискиваньем «пить!»
ныряй в седые травяные волны,
и дождь, что с запада несёт, не торопи.
Вдохни: пусть этот жар тебя наполнит.
И степь сама тогда пожалует сполна
в пылу борьбы текучести и тверди:
под суховеем с моря горько-солона —
и можжевелует, полынит и бессмертит.

Касание

На цыпочки встать и потрогать макушку лета,
пока она густо-зелёная и живая.

А лето дождя пригубило, играет светом,
по ободок горизонта его наливая.

И каждый глоток – беспримесный, не палёный:
не утолишь, так хоть отдалишь печали.

Но зреют, зреют на круглоголовых клёнах
крылатки – зародыши ангелов. Или чаек.

Смакуя

Почувствуешь каждым нервом и волоском:
томительный день истёк —
а ведь только начат...

Рыбьим скелетиком с краю на блюде морском
овальном белеет фрегат и его три мачты.

Закат по воде чешуёй словно жар горит,
и след Черномора на пирсе ещё не высох,
и ветер ему доносит: богатыри
посеяли булавы на каштанах и кипарисах.

Смыкаются море и небо, как мидия.

Дай ещё!

Всего-то и было сказки – укус,
а казалась длинной.

Но лето созрело ворсистым персиком и течёт
сквозь пальцы, и мякоть отходит от косточки,
от сердцевины.

Бархатный сезон

Настоящий бархат – ночью,
после двадцати шести.
Тёмных водорослей ключья
шторм успеет нанести.

Шёл бурун в кипящей пене,
обнимал мои колени,
обдавал до головы.
И галдела, и стучала
галька, и носилась чайка
над разливом меловым.

Остывать и правда рано:
август, день сороковой.
Греет щёку вздох леванта —
здешний, радостный, живой.

Так теснит дыханье в Ласпи,
так огромно это счастье —
от морских ослепнуть вод,
захлебнуться долгим вдохом,
слышать ветра свист высокий,
пёстрых сарычей полёт.

А потом над бухтой длинной

солнце катится к земле:
ремонтантная малина
в неге, в дымке, в киселе.
Глажу бархат против ворса.
Вижу горы над Форосом.

Пропадай, моя душа:
словно море, бьётся сердце,
и смотреть – не насмотреться,
и забудешь, как дышать.

Накоротке

Отвыкнешь здесь
держать дистанцию.
Так исподволь,
за кнехт канатом примотав,
швартуют к пристани
усталый катер, а с бортов
покраска лущится.
Прохожий запросто готов
болтать на улице.
Тропинку тайную наверх
укажет пальцем, и
отгонит шершня: по жаре
смертельно жалится.
Как быть с тобой, перетерев
о всякой всячине?
Глазами рыжих фонарей
блестишь собачьими,
и в том же стиле, поперёк,
на водной станции
гребёт на берег паренёк.
И вся дистанция.

Бухта символов

Первый рейс отменён. Всё свежей на рассвете,
и дельфины-азовки гонят рыбы стада.

А как выйдешь из бухты – закрутится ветер,
вот и катер танцует то туда, то сюда.

Горизонт растворился: нерезкий, нечёткий,
дымка к морю стекает седловиною гор.

Тесен рыбий садок. И подводные лодки
Полифем не пускает из пещер на простор.

Экий ласковый день на прощание выпал.
Запах мидий повсюду. И бронзовый кот
всё несёт Куприну серебристую рыбу,
да мешают туристы, разный праздный народ.

Как ныряльщик ЭПРОНа —
плакатный, плечистый, —
головой Дели-Христо подпирает закат:
батарея Драпушко, где артиллеристы,
что громили линкоры, навечно лежат.

Рыбаки, зазывалы, капитаны, салаги,
пёстрый ворох байдарок. Золотой Сюмболон.
На ветру распуская разноцветные флаги,
листригонят по кругу, провожая сезон.

Спят обломки зубов в челюстях Феодоро:
генуэзская хватка, крепко стиснутый рот.
Горловиной снуёт вереница моторок,
заклиная за рейдом смотрящий вельбот.

В балаклавских лучах напоследок погрейся:
и вернуться недолго – тосковать нелегко.
Где-то там у причала до нового рейса
ждут «Поэт Андрухаев»
с «Лейтенантом Гринько».

Предчувствие

За трепетанье листьев на ветру,
бурление теней в потоках света,
сорочьей пары шумную игру
и васильки в овсах за день до лета,
за соль и корку хлеба на столе,
за каждый час, пока родные с нами,
за розу на обломанном стебле,
что я спасу, размножив черенками —
я наперёд тебя благодарю —
за всякий миг нежданного счастья,
за свет и воздух, коим к сентябрю
я так и не сумею надышаться.

По старому стилю

Набрать побольше воздуха
уже не получается.
Дары, похоже, розданы.
Садятся в воду чаицы.
Им в мареве постанывать
над сонной Балаклавою.
Верха сетей расставленных
обсижены бакланами.
Как будто ветру молятся —
а это крылья сушатся.
Ступени в пятнах кольцами
от падалицы грушевой.
А к пальцам льнут инжирины,
лоснятся виноградины,
попробуй удержи меня,
спеши меня порадовать,
пока не улетела я.
Вцепились в камни каперсы.
И солнце угорелое
стремглав под гору катится.
И переполнен жалостью
вечерний возглас горлицы.
А лето всё кончается
и вот сегодня кончится.

Мальчик и его собаки

Выводит двух собак.
Одна – совсем щенок,
второй – терьер.
Степенный, с жёсткой шерстью.
Щенок же скачет: шлейка, поводок —
не сиганул бы под колёса с места.
Из окон занавески пузырьрём.
Воркуют голуби.
Метлой царапнет дворник.
Всем не до них, гуляющих втроём.
Панельный дом.
Звонящий день.
Обычный вторник.
Такая тишь!
Разнежась, млеет двор.
Замру в тени.
Меня не замечают.
На чьей-то кухне слышен разговор,
и ложечка бренчит о чашку с чаем.
Ещё не вышли взрослые пока
с ключами от машин, авоськой, пивом.
Он бублик-хвост поправит у щенка —
не встал?
Вот так, прямой держи, не криво.
Терьер, обнюхав вишню, подбежит —

и бережным, не нарочитым жестом
он гладит спину, треплет от души
пса по седой и клочковатой шерсти.
На вид лет шесть: не школьник, детвора.
А сколько силы в нём, в душе и в теле —
я видела: он на руки вчера
схватил сестру, что падала с качелей.
Не двигайся.

Боясь дышать, лови
нечаянные, тайные мгновенья,
когда мужчина учится любви,
прижав щенка к ободраным коленям.
А что потом?

Присяга?

Институт?

Храни его, судьба, что б там ни стало
с мальчишками, которые растут
в ничем не примечательных кварталах.
Нести любовь, не расплескав за много лет
в огромной жизни,
где обиды, боль и враки...

Сентябрь.

И в слепящий белый свет
уходят мальчик и его собаки.

Слеза

Вьются, не напьются осы,
наводнив собой базар,
полосатее матросов
и хищней, чем их глаза.
Винным духом бродит осень,
выгибается лоза.
Ветер, высохшие космы
трав да скудная роса.

Отнеси меня обратно,
опусти на край земли —
там, где солнечные пятна
на морскую гладь легли,
где сегодня, вероятно,
гомонили Васили,
где развалы винограда
и туманы-кисели.

Ветер юга, ветер вольный,
отнеси меня домой,
где грохочет пушка в полдень,
где ещё привычен зной.
Я тоскую. Я же помню
голос твой и трепет твой,
черепицу красных кровель,

кипарис над головой.

Неуёмный, раскалённый,
обрывая провода
и листву с берёз и клёнов,
ты ко мне летишь сюда.
Мне бы синей и солёной —
за неё я всё отдам —
но с небес холодных, сонных
только пресная вода.

По живому

Чем, Севастополь, ты зацепишь в этот раз,
когда кусает ветер треснувшие губы?
Когда, царапая незащищённый глаз,
оскалят зубы парусов твои яхт-клубы?

Грозят занозами заборы здешних бухт,
где для меня уже не будет дня как прежде,
где, обречённые на общую судьбу,
стареют борт о борт «Романтик» и «Надежда».

И проступает – утирай, не утирай —
в глазах непрошенная влага колкой соли.
Почтовых ящиков щербатый ржавый край
не скроет писем. А они не вскроют боли.

Так остро пахнет здесь, к чему ни прикоснись:
ореха палый лист, стволы в лишае струпьев...
И как сожжённая вдали от дома жизнь,
клубится пепел на кострах горящих скумпий.

И режет правду свет. И правда же – дотла...
И жгучей серой осыпают землю кедры.
И сквозь ноздрю известняка торчит игла,
вся в каплях крови – куст и ягоды эфедры.

Пусти, зизифус, ты разделся донага,
дай мне сойти к мазутным водам
вниз по склону:
там горький дым углей чьего-то очага,
который стелется над балкой

А —

пол —

ло —

но —

вой.

Воздух плотен, в нём смятение и вой —
гудка профундо и сирены окрик птичий.
И точит ветер, скрежеща над головой,
кривые черные ножи твоих гледичий.

Блик

Всё это – зимний дым. Упавший за ночь иней
восходит, завихрясь под солнечным лучом:
в тумане Чатыр-Даг с его прямым плечом,
и медные дубы, и горы голубые.
А круглое стекло светло и горячо.

В иллюминатор целься, солнце над проливом,
мне виден с высоты лежащий в море блик.
и Крым, воздушный змей,
взлетает ромбом синим
и за плечом моим парит в небесном дыме,
лишь ниточкой-мостом держась за материк.

Шторм

Косые лучи клинками
кромсают громады туч.
И жалит, и проникает
до белого каждый луч.
И тросы, и цепи стонут.
Посмотришь на берег, вниз —
скелеты морских драконов
шеями переплелись.
Валы травяного цвета,
и пена на удилах.
А горизонт фиолетов,
его оседлала мгла.
Каштанов, айвы, орехов
вокруг полегли войска,
и сброшенных их доспехов
поскрипывает труха.
И мельниц воздушных мелют
гремящие жернова.
И разрывая землю,
пробилась в ноябрь трава.

На звук

Любить – так до слёз:
на прощанье дождя закати,
чтоб влажная почва
хватала верней за подошвы,
и не продохнуть от акаций,
и слева в груди
тянуло.
И чтобы разлука – на миг и не дольше.

Сигналь мне отсюда
неведомой птицей в ночи,
которая коротко и монотонно звучит,
как будто у нашего дома на тёмных
ветвях
включают сонар.
Акустический якорь.
Маяк.

На звук и вернусь, подожди.
Пробираясь меж туч,
небесный автобус трусит
по наезженной выси.
Вернусь – и увижу,
как белка и солнечный луч
играют в пятнашки

на древнем стволе кипариса.

Тоннели

Полсрока – здесь, и даже боле.
Но всякий раз, когда пейзаж
под шпалы подсыпает соли,
и ты опознаёшь Сиваш,
полвозраста – долой!
От дыма
першит в носу, глазам – теплей.
Полусухие реки Крыма
настояны на кизиле.
Домчать до них, и ледяную
настойку эту пить с руки!
Летят одесную, ошую
лишь волны и солончаки.
За край небесного порога
в рассвет уходит, далека,
чумацкая Батый-дорога,
просыпав звёзды из мешка.
Ни сон, ни явь.
Лишь брёвен точки
на мелководе.
Не дыша,
глазами провожаешь строчки
линялых джинсов Сиваша.
Стучат колёса.
Ждут тоннели.

Ты помнишь: шесть!

Их будет шесть.

На Сиваше светлеют мели
и ковыля степного шерсть.

И с каждым новым оборотом
железных сдвоенных колёс
над ухом тихо шепчет кто-то:
прости, что солоно пришлось.

...Ищу Сиваш из самолёта.

Тоннели ждут. Скорей бы мост!

Южак

Море под южаком
кажется наждаком.
Лижет шершавым своим языком,
морщится: вдруг чужая?
Не говори, южак:
вроде и не чужак,
и не своя, не в доску, а так —
изредка приезжаю.
Что же ты сгоряча?
Будет тебе серчать!
Видишь – бретелька ползёт с плеча,
выйдет на снимке криво.
Встречный поток упруг,
и, подхватив игру,
чайка ложится ветру на грудь,
просто шагнув с обрыва,
виснет у самых ног.
Резок твой свист, высок:
что мне морзянка стучит в висок,
ритмы каких элегий?
Вот бы взлететь вдвоём,
сверху увидеть дом,
взглядом окинуть весь окоём
от Кальфы и до Омеги...
Не вышибай слезу,

ладно? Брожу внизу.
Пробую выманить здесь, на мысу,
крабов из их пещерок.
Гладь, не толкай, южак.
– Бабушка, это рак?
Тащит к воде на красных ногах
раковину отшельник.
Словно удар под дых:
прядей полно седых.
Что ж ты теперь заметаешь следы
пылью по ржавой глине,
солью по волоскам,
пенной по облакам?
Гонишь волну за мной по пятам
наискось, валом длинным.
Что мне с твоих даров?
Просто не будь суров,
тронь восьмигранник
Башни Ветров —
и поминай как звали...
Створку не рви из рук:
сонно вздыхает внук.
Время заходит на третий круг
раковиной спирали.

Мой свет

Так смутно, ни тьма и ни свет,
разлито сияние,
что чудятся тени карет
в Приятном Свидании.
По правую руку луна —
приплюснутой дыней.
Тумана лежит пелена
над каждой долиной.
Не воздух, а толща слюды,
лишь контуры зданий,
и духи небесной воды
танцуют в фонтане.
Огни в запотевшем окне
летят, негасимы,
и маслянен вкус в полусне
холодного дыма.
И нет на прощание, нет
ни слов, ни желаний,
но надо проститься, мой свет,
до новых свиданий.

Зоря

На кораблях играют зорю,
звук бронзовеет над водой,
и серебрится край у моря:
светлей небес, почти седой.
А Корабелка ловит рыбу
и окунает в воду чад.
Шершавы каменные глыбы,
и чайки – как без них? – кричат.
Над бедной нашей стороною
прошепчет бриз: Господь велик.
И солнце прячет за волною
свой умиротворённый лик.
Подай мне, отче, соль и камни,
и птиц, и рыб, и новый день:
и я приму его, пока мне
играют зорю по воде.

Глава 2

Боль

Исход

Мимо старых домов, где рукою – до потолка,
их заборов из трещин времени, камня голого,
мимо рынка, где – крюк за жабры – висит

калкан

и капуста с прилавка роняет внезапно голову,
по брусчатке улицы – улица невелика —
мимо спелой хурмы: как пылают её шары
во дворах, и смотри, есть ещё фонтан

на Воронина,

мимо ящиков почты, что свалены до поры
на крыльцо при ремонте дороги, и их

не тронули,

здесь уже не живут, ведь вход перекрыт,
мимо портика с флагами, датами Крымской

войны,

виноградной лозы, колонн, белья по балконам
до больничных ворот, где были мы рождены,
чтоб расти в общежитиях, школах

и на бастионах

нашей пусть и неласковой стороны,
мимо тени бывшего флота, его моряков,
кораблей, что теснились, забив заводскую
бухту,
мимо чёрных орудий сражавшихся здесь
полков
из больничных ворот и уйдём на смену, когда
наутро
позовёт нас одна из труб заводских гудков.

Взгляд

Даны мне были мамины глаза
густого цвета переспелых вишен.
Нам говорили: ваши голоса
не различить – одно и то же слышим.

Одной и той же звуковой волной
дыхание несёт, пока нас двое.
Но этот разговор меня со мной
в любой момент прервёт гудок отбоя.

А дальше будет просто тишина,
и не соприкоснуться голосами.
Не голосить. Не плакать. Я одна,
но я смотрю на мир её глазами.

Прочь

Такого не могло случиться,
глазам не верится – но вот
сидит кладбищенская птица
среди могил и к людям льнёт.

Пока мы красили ограду
и обновляли цветники,
она сновала где-то рядом
на расстоянии руки.

Она не издала ни звука,
топорща серое перо,
нахохлилась. Ржавела грудка —
как пламень лёг на серебро.

Клонились сосны, долу глядя:
иголок брошенных не счесть.
И ветер расчесал на пряди
стальную облачную шерсть.

Твой восковой точёный носик
завис над лужицей воды.
Какие знаки ты приносишь,
какой мне ждать ещё беды?

Тщедушно пепельное тело.
Пошевелюсь, боясь смотреть:
зачем ты на меня глядела
глазами бисерными, смерть?

Проверь окрестные могилы,
а в дом ко мне повремени.
За кем ты нынче приходила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.